

И.С.ОРЛОВ

В Нахабино!..

Въ Нахабино!..

(Поездка въ Нахабино — пунктъ паломничества алкоголиковъ)

Личныя впечатленія и наброски

И. С. ОРЛОВА

Съ иллюстраціями, портретомъ учредителя нахабинскаго общества трезвости, священника о. С. Пермскаго, видами храма въ селѣ Нахабинѣ, статью о. Пермскаго, его біографію и историческими данными какъ о храме, так и о селѣ. Приложены также условия вступленія въ число членовъ нахабинскаго общества трезвости.

Издание И. С. Орлова и И. В. Венедиктова

Москва, 1899

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
аренд. И. К. СОЛНЦЕВЫМЪ.
Митовая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

И. С. ОРЛОВ

В Нахабино!..

Москва
Фирма «АЛКИНОЙ»
2001

ББК 86.372

О 66

*Рекомендовано к печати Издательским Советом
Московского Патриархата*

Орлов И.С.

О 66 В Нахабино!.. — М.: фирма «АЛКИНОЙ»,
Издательский Дом «ПЕДАГОГ», 2001. — 48 с., илл.

ISBN 5-900369-06-4

ISBN 5-89728-004-5

В книге описывается поездка в пос. Нахабино, посещение Храма
Покрова Пресвятой Богородицы, где происходили чудесные исцеления ал-
коголиков с помощью молитв и обета св. прав. Сергия Радонежского.

Содержит исторические данные конца XIX века; изменены оконча-
ния некоторых слов в соответствии с современным написанием, но стили
письма не изменён. Будет интересна широкому кругу читателей

ББК 86.372

Книга издана при поддержке православных христиан:

Т.М. Мерзликиной,

Л.И. Целибецкой,

А.И. и Т.И. Старостиных,

Л.М. Шароновой

и других.

Весь тираж передаётся Храму Покрова
Пресвятой Богородицы,
пос. Нахабино Московской области

ISBN 5-900369-06-4

ISBN 5-89728-004-5

© фото на обложке, Смоленский Е.Е., 2001

© оформление, фирма «АЛКИНОЙ», 2001

© Издательский Дом «ПЕДАГОГ», 2001

Учредитель Нахабинского общества трезвости, священник церкви
села Нахабино (Покровского храма) о. Сергий Пермский.

СВЯЩЕННИК О. СЕРГИЙ ПЕРМСКИЙ

Свящ. о. Сергей Пермский, учредитель нахабинского общества трезвости, родился в Москве; он сын священника Всехсвятского единоверческого монастыря, обучался в Спасо-Вифанской семинарии и, по окончании полного курса богословских наук, определён был к Покровской, села Нахабина, церкви, Звенигородского уезда, Московской епархии, с возведением в сан священника. За время своего пастырского служения о. Пермский исправлял и другие должности. Так, он состоит законоучителем в нахабинском начальном народном училище (1887 г.), где им организованы были чтения со световыми картинами. С разрешения преосвященного Тихона, епископа Можайского с 1891 г. отец Пермский ведет беседы о пьянстве со служащими на фабрике Знаменской мануфактуры. За свои труды о. Пермский удостоивался неоднократно архипастырского благословения, а со стороны начальства учебного округа — благодарности.

О. Пермскому 36 лет.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время мне приходилось видеть людей, которые после долголетнего беспробудного пьянства переставали пить водку. Я их встречал уже облагорожившимися, прилично одетыми, иногда занимающими хорошие места, тогда как раньше они ютились в притонах Хитровки, голодные, в лохмотьях, шатаясь из кабака в кабак. Естественно следовал вопрос: «Как, вы теперь не пьете?!» — «Да, слава Богу, не пьем», — обыкновенно отвечали мне. «С каких пор?.. Какая добрая душа могла так благотворно на вас действовать?» — спрашивал я. Да вот с тех пор, как Бог привёл побывать в селе Нахабино, у батюшки о. Сергия Пермского», — отвечали мне. «Что такое Нахабино? где оно?.. Что за личность о. Сергей?» — закидывал я вопросами. Мне отвечали: о. Сергей Пермский — молодой священник церкви села Нахабино. Он учредил при церкви общество трезвости и ввёл произнесение членами общества обета пред иконой преп. Сергия Радонежского чудотворца, — не употреблять в течение известного срока спиртных напитков. «И действительно, — говорили они мне, — и мы, и многие другие после этого торжественного обещания и молебствия пред иконой преп. Сергия ничего не берём в рот хмельного». Вначале мне приходилось это слышать от людей лишь одного простого класса — рабочих, извозчиков, мастеровых и фабричных, а затем мне стали попадаться и люди интеллигентного круга, которые также, побывавши в нахабинском храме, черпали силы отрешаться от хмельного и переставали пить водку. Так, например, мне называли не-

сколько лиц: архитектора, провизора и даже врача. Слышал я, между прочим, что на тех лиц, которые нарушали обет и начинали снова пить, нападала тоска, которая исчезала лишь после того, как нарушитель ходил вновь в Нахабино, каялся священнику и молился у иконы преп. Сергия.

После этого я сам заинтересовался уже как этим оригинальным обществом, так и замечательною личностью его учредителя, свящ. о. Сергия Пермского. И вот, выбрав удобное время я, под видом паломника, совершил поездку в Нахабино, чтобы воочию посмотреть на то, что там делается, и лично удостовериться в чудодейственной силе молитвы у иконы преп. Сергия. Все, что я видел и слышал, какие впечатления вынес из поездки, — все это я и передаю в кратком рассказе, под заглавием «Поездка в Нахабино». К книге я приложил ряд иллюстраций. Так, например, помещён портрет свящ. о. Пермского, внешний вид храма, внутренний его вид, вид села Нахабино и несколько других иллюстраций, имеющих тесную связь с моим рассказом. О. Пермский — что для меня особенно ценно — представил для книги написанное им самим «Вступление». В книге же читатель найдет биографию о. Пермского и краткие исторические данные о церкви села Нахабино. Я постарался сделать книгу доступною массе читателей и с этою целью назначил ей самую умеренную цену — 20 коп. При книжке также приложены условия вступления в члены нахабинского общества трезвости.

И. Орлов.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИЗ ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ НАХАБИНСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ

(Из статьи о. Сергия Пермского)

Поводом к учреждению в с. Нахабино общества трезвости, — говорит в своей статье о. Пермский, — послужило прочитанное мною сказание о деятельности известного проповедника трезвости, Теобильда Матью, ирландского священноиннока, жившего 100 лет тому назад. Этот поистине дивный человек, одарённый могучим даром слова, смело и решительно взялся за столь трудное и важное дело, как борьба с пьянством. Его начинание увенчалось успехом: многие из горчайших пьяниц, ради удовлетворения своей пагубной страсти пускавшие даже на разбой и грабежи, перестали пить. Видя в вине источник всякого зла, и я решил открыть поход против пьянства среди моих прихожан. Мне пришла в голову мысль учредить общество трезвости. Это тем более было необходимо, что я застал среди моих прихожан поголовное пьянство, — пьянствовали даже подростки. Так как предстояло празднование 500 лет со дня блаженной кончины преп. Сергия, Радонежского чудотворца, печальника Русской земли, то я и решил связать моё новое дело с именем этого великого святого. Наконец, в 1891 году, 25 сентября, состоялось торжество открытия общества. Прежде всего, чтобы проповедь моя имела успех и что-

бы между словами проповедника и его делом не было разлада, я счёл священным долгом сам дать пред иконою преп. Сергия, Радонежского чудотворца, которому я вручил судьбу моего дела, обет — вовсе не употреблять спиртных напитков, и когда я это сделал публично, торжественно, то пригласил последовать моему примеру других, записавшихся в члены общества. Произнесение обета перед святынею вначале не было в программе моих действий: я рассчитывал бороться с пьянством путём одних лишь проповедей и бесед, обет я дал под влиянием наплыва каких-то особых чувств, в состоянии экстаза.

С этих пор обычай произнесения обета ввёлся навсегда, и, надо сказать, в нём-то и кроется вся великая сила, и на нём-то создан успех общества. В первый год в состав общества входило лишь 47 человек, причём нарушителей было 15; во второй год в обществе значилось 118 членов. Вскоре я получил приглашение вести беседы о вреде пьянства на фабрике А. Я. Полякова, что на Баньках. Бог благословил мои труды, и большинство рабочих вступило в члены нового общества. Теперь среди рабочих фабрики Полякова пьянство почти совершенно отсутствует. Видя такие результаты, А. Я. Поляков принял близко к сердцу мое дело и с тех пор неуклонно помогает мне и нравственно и материально, а супруга его, А. А., стала даже во главе общества, в качестве председательницы. А число членов всё росло и росло и на 3-м году существования общества в нём было уже 314 человек, на 4-м — 358, на 5-м — 1273, на 6-м — 10368 и на 7-м — 30945 человек.

Что касается того, как относились вначале прихожане к моему делу учреждения общества трезвости, то надо признаться, что отношение это было довольно скептическое. Многие даже посмеивались, говоря: «Ни к чему это не поведёт... были попытки и раньше, да ничего не выходило». Были даже такие, которые подстрекали вступивших в члены общества нарушить обет, а когда те соблазнялись, то сами

же первые смеялись: «Вот так трезвенник!.. Пей больше!» Сердце мое болело, когда мне приходилось наблюдать подобные явления. Тем не менее я не отчаивался и продолжал трудиться с большею энергией. О всех членах, нарушивших обеты, я начал публично заявлять в церкви, присовокупляя, что эти лица исключаются из состава общества. Эта мера подействовала, и число нарушителей в самом Нахабино значительно уменьшилось. Теперь могу смело сказать, что среди моих прихожан пьянства почти не существует. Водка отсутствует даже на сходках; её нет на поминальных обедах, и допускается она, в виде исключения, только на свадьбах. Взгляд моих прихожан на общество трезвости также совершенно изменился. Даже прежние предвзятые враги отдают должное влиянию общества. Благодарностей от тех, кто перестал пить, — масса. Благодарят не только сами члены, но и их жены, отцы, матери, дети. Все это глубоко меня трогает и служит нравственной наградой за труды. Пример учреждения общества в Нахабино и его благотворное влияние вызвали подражания. Общества трезвости организуются и в других окрестных приходах. Даже репутация нашего села, известного раньше разбоями и грабежами, теперь изменилась. Одного лишь я не могу добиться — чтобы крестьяне, сами не употребляя вина, в то же время не продавали его и тем людям, которые являются в Нахабино, чтобы вступить в члены общества. С Божьею помощью, может быть, добьюсь и этого. Село наше сделалось известно теперь почти всей России, и для того, чтобы записаться в члены нашего общества, съезжаются в Нахабино люди со всей Руси.

ПОЕЗДКА В НАХАБИНО

I

Верстах в 30 от Москвы, по Воскресенскому шоссе, находится село Нахабино. Село это, правда, большое, богатое, но не этому обстоятельству оно обязано своею известностью. Популярным село Нахабино сделалось с тех пор, как там образовано было общество трезвости, с тех пор, как во главе этого общества встал его учредитель, свящ. о. Сергей Пермский, человек с необыкновенною силой воли, громадною энергией, решительный и смелый. Убедившись воочию в пагубном действии на человека страсти к вину, о. С. Пермский решился вступить в борьбу с этим бичом русского народа, подрывающим его физическое здоровье и растривающим его материальное благосостояние. Не обладая ни медицинскими знаниями, ни складами фармацевтических средств, он вышел на борьбу с врагом единственно лишь с помощью духовных орудий — креста, св. Евангелия и слова Божия. И то, что казалось невыносимым, против чего бессильно опускали руки все современные медицинские светила, совершилось: до трёх четвертей всех «пьяненьких и несчастеньких», обессиленных в борьбе с недугом, успевшим уже войти в плоть и кровь их, перестаёт пить, поворачиваясь к прежней трудовой жизни, укрепляя здоровье и внося мир, тишину и спокойствие в свои семьи, в которых дотоле царствовали распя и раздор.

Я давно уже стремился совершить поездку в Нахабино, чтобы побеседовать со священником о. С. Пермским, присутствовать при процессе приёма в число членов общества трезвости, разузнать, какое впечатление оставляет на народе принесете клятвы, и как посетители Нахабино готовятся к этому знаменательному в их жизни акту. Самые разнообразные мысли роились у меня, когда я подъезжал к дому Капелькина, на 2-й Тверской-Ямской, откуда организовано правильное линейное сообщение между Москвою и Нахабиным.

Осмотрев меня с ног до головы, П. А. Воронов, содержатель линейек, обратился с замечанием:

— Вам бы, барин, надо ехать особняком, а не на линейке...

— Почему так?

— Лучше будет... Потому у нас общество трезвости, ну, а публика едет разная: большинство все пьяненькие. И одеты многие плохо... лишнее слово кто скажет... Всё бывает: где вино, там и грех...

Перспектива ехать в обществе пьяных, грубых людей была не из заманчивых, но я не изменил своего решения.

— Ну, коли так, так едемте, — согласился Воронов.

Оказалось, что на линейку я запоздал: её отправили в 7 час. вечера. Кроме меня, запоздало и ещё несколько человек; тем не менее нам посчастливилось: по случаю разгона линейек, для нас запрягли ландо — неказистый, но довольно большой, покойный и вместительный экипаж.

Меня провели под навес, где запрягали лошадей. В углу, на бочке, сидел какой-то парень и горько рыдал.

— Какой я несчастный! — причитал он. — Не хочет преп. Сергей принять моей клятвы... Запоздал я, а ведь как спешил-то! Жене в морду дал, чтобы скорее снаряжала, тёще по шее залепил — и всё-таки запоздал... Господи, и какой только я несчастный!

Парень, услышав голоса, поднял голову. Это был ещё молодой, приземистый, коренастый, лет 30-ти, человек,

с еле пробивающимися усиками; он едва стоял на ногах, — так был пьян.

Воронов успокоил его, заявив, что так как теперь «комплект» набрался, то он в Москве не останется, а будет отправлен в Нахабино.

— Только не плачь, — всё сделается по-хорошему, — говорил он.

— Барин, голубчик, и ты едешь?.. Тоже, значит, алкоголик? Эх, барин, барин! Проклятая эта водка, никого не щадит... Вот теперича я: руки у меня золотые, по два с полтиною в день получаю, а всё ничего нет, а как запью, так и остальное пропало. Хозяин дал своих 5 руб. «На, — говорит, — поезжай в Нахабино, помолись и выкинь дурь». Руки у меня, барин, во какие! Мы по потолочной живописной части будем: написать ли купидона, колеру под облака пустить, али изобразить четыре времени года — весну, лето, осень, зиму — никто лучше меня не сможет!

Наконец лошадей запрягли, и мы уселись, других приходилось собирать по трактирам, где они бражничали в ожидании линеек.

Поездка в Нахабино дала мне впечатление совершенно обратное тому, которого я ожидал. Я предполагал, что едут люди, в большинстве обессиленные к борьбе с недугом, едут смиренные, покорные, с тем, чтобы там, в Нахабино, в храме Божиим, дать клятву не брать в рот хмельного и просить у преп. Сергия сил и терпения вынести этот обет... Ничуть не бывало. Туда едут люди в весёлом настроении; разговоры во время поездки самые, что называется, скоромные. Только и слышишь фразы: «Ну, что же, выпить ещё, что ли?», «Да ну, по последней!» И всё по последней, да по последней.

Самая поездка благоприятствует этому. Линеечник Воронов лошадей жалеет и то и дело делает остановки: то покормить лошадей, то попоить, а тем временем «пропускаются последние». Бывают случаи, что будущий трезвенник

призжает в Нахабино «мёртвым телом», и священник даже не принимает его в течение нескольких дней. Но зато, после того, как дана клятва, характер поездки совершенно меняется: едут люди успокоенные, умиротворенные. Разговоров о водке нет. При остановках требуется лишь молоко да квас. Все имеют торжественный вид, как-бы после какого-нибудь важного события, под влиянием которого они и находятся. Вообще даже и здесь проявилась любопытная черта русского человека: он способен все дни Масленой объедаться вплоть до 12 часов ночи прощенного воскресенья, с тем, однако, чтобы с последним ударом маятника сказать «стоп» и сразу перейти на лук, квас и редьку... Но об обратной поездке потом...

Из одного трактира сразу взяли троих — мелкого фабриканта, набойщика, ехавшего вместе с матерью, и серебрянника, имеющего небольшое ювелирное заведение. Фабрикантик — высокий, с одутловатым от пьянства, бледным, безволосым лицом, держался солидно, а серебрянник, маленькое, худенькое, рыжее, испитое существо, — свободно и скоро сошёлся с живописцем. Кстати им пришлось и сесть-то рядом. Фабрикантик с большим подозрением посматривал на меня и долго не начинал разговора.

Между серебряником и живописцем разговор завязался сразу. Когда наше «ландо» проезжало мимо вокзала Брестской жел. дор., они заспорили о том, какой лучше вокзал — Смоленский или Курский. Каждый хвалил свой; спорили чуть не до ссоры и, наконец, обратились к старухе, оказавшейся умною, степенною русскою женщиной. Она помирила их, заявив, что и «тот хорош и этот хорош». Дальше, когда «ландо» проезжало мимо Николаевских казарм, у них возник спор о том — «русский ли человек казак, или нет?» Серебрянник доказывал, что нет. Это категорическое заявление удивило даже живописца.

— Вот так чисто! Кто же он, по-твоему, — татарин, что ли? — спрашивал он.

— Не татарин и не русский... Казаку никто не попадается... А попался — сейчас голову сорвёт... Так какой же он русский?.. Да разве русский человек это сделает? — спрашивал серебрянник.

— Я тебе говорю — кто же он? Татарин, поляк, немец ли — этот самый казак-то? — в свою очередь задавал вопрос живописец.

Серебрянник смешался, а затем ответил: — А черт его знает! Должно-быть из породы баши-бузуков...

II

«Ландо», громыхая по мостовой и звеня, как расстроенный рояль, медленно двигался. Мимо нас по аллеям Петровского парка, как стрелы, мелькали скорчившиеся в клубок велосипедисты, неслись дорогие рысаки, катя роскошные экипажи с разфранчёнными дамами... Вот грациозно, среди роя кавалеров, проехала на железном коне известная в Москве красавица, m-lle Ф—а, царица всех балов и лучшая в Москве вальсистка. Её оригинальный костюм, из красной шелковой жокейской куртки с полосатым картузом, обращал на себя общее внимание. От серебрянника и живописца ничто не ускользало. По каждому отдельному поводу они делали своё замечание, «пущали критику».

Наконец въехали в пыльное и грязное Всехсвятское, в котором трактир на трактире. В селе строят несколько капитальных каменных домов, но в общем оно неуютно, неприглядно. Приятно разнообразит вид лишь хорошенький уголок села Всехсвятского — убежище для увечных воинов, с изящною железною решёткой, из-за которой виднеются клумбы, аллейки, а среди зелени вырисовываются игрушки-постройки с господствующею над ними стильною церковью.

В Всехсвятском, по требованию фабриканта, остановка. У него перегорело в горле, и он хочет выпить стакан чаю. У линейчика Воронова свой большой трактир в Тушине, и

ему резоннее сделать остановку в этом пункте. Тем не менее фабрикант настолько усиленно просить его, что линейчик сдаётся.

— Но только на минутку — больше ни-ни! Иначе мы и к заутрене не приедем...

Эта минута продолжалась добрых полчаса. За будущими членами общества трезвости пришлось посылать людей. Наконец они вышли, но ещё более пошатывающиеся, с ещё более посоловевшим взглядом, и грузно ввалились в «ландо».

Проехали ещё несколько вёрст, и здесь только «запахло» настоящею деревней. Воздух стал чище. Слева Царская роща посылала нам запах сосны; справа лили аромат луга с только-что скошенным сеном. Впереди виднелась стена ржи, над которою высоко-высоко вверху, в сиянии косых лучей заходящего солнца, допевали вечернюю зорю жаворонки. Небо, раскинувшееся над нами в виде колоссального легкого купола, усеяно было мелкими облачками-барашками. Ни одного дуновения ветерка. Разливалось тепло, смягчавшееся легкою вечернею прохладой. Было хорошо, но ещё было бы лучше, если бы ни эти одутловатые, с сумками под глазами, лица, ни их дыхание, насыщенное спиртуозными парами, ни их тусклый взгляд, напоминавший о горькой действительности, о печальной цели нашей поездки...

— Какая Божия благодать! — ласково произнесла старуха, обводя глазами окружающее. — Птички Божии поют... Лес стоит словно богатырь... Хлебушек растёт... Хорошо в деревне — одна Божия благодать...

— Што говорить!.. Теперь в деревне один рай, — соглашался серебрянник.

Слезоточивый живописец полез за платком и стал утирать глаза.

— А я-то, я-то! В деревне у меня большой надел, дом был хороший... Всё развалилось, разрушилось... и всё это водочка наделала... Себя образумить не могу... У кого рожь — у меня лебеда; у кого дом — у меня развалины; у людей

и коровка и барашек, маленький телёночек, всякая птичка и яичко, а у меня — сороковушка водки в руке... Ха-ха-ха!.. — с видимым ожесточением предавался самобичеванию живописец.

Кое-когда мы догоняли и обгоняли группы пешеходов, с тою же печатью беспробудного пьянства на лицах. Некоторые шли с гармониками, останавливались, выпивали и пускались в пляску. Многие одеты в рубище; другие, кроме белья, грязного, разорванного, ничего на себе не имели. Небритые, без фуражек, с включенными волосами, подчас с синяками на лице, босиком, — они имели ужасный вид. Б-рр-р!..

— В Нахабино? — интересовался всегда серебрянник.

— В Нахабино! — следовал ответ сиплым голосом.

— Счастливый путь!

— И вам того же!..

Проехали Покровское-Глебово с рядом характерных дачных построек, утопавших в зелени. Налюбовались вдоволь капитальными постройками дворца кн. Глебовой-Стрешневой; весь двор дворца обнесён массивною стеной, напоминающей нашу кремлёвскую, и так же по углам башенки причудливых форм. У подножия этого — не то замка, не то крепости — светились, как зеркало, прудики с нависшими в воду ивами, растущими по берегам. С террас дач выглянули на нас несколько любопытных голубых и чёрных пар женских глаз. Раздался звонкий молодой смех, послышалась французская речь.

За Покровским-Глебовым потянулся чудный сосновый лес — «Серебряный бор», возвышавшийся в виде тёмной сплошной массы; под ветвями сосен так было хорошо, виделось такое мягкое пышное ложе, что невольно тянуло в лес на отдых. Здесь же, за бором, высится насыпь новой Виндавской дороги, по которой, как муравьи, копошились рабочие с тачками. Внизу, в грязном прудишке, возчики поили лошадей; они въехали целым обозом в самую середи-

ну пруда и подняли вверх муть дна. Линия новой дороги, несомненно, разовьёт дачную жизнь в этом чудном уголке царства сосны и значительно оживит местность. Кривою линией насыпь проходит далее, мимо заводов и фабрик, к самому селу Нахабино и оттуда в Воскресенск, к монастырю Новый Иерусалим. По дороге справа и слева открывались живописные виды: то появится гора, покрытая растительностью; то сменит её измененность с прудом, с пышною травой и причудливым ковром полевых цветов; то раскинется поле с высокою золотистою рожью и мелкою лесною порослью в конце; то покажется маленький лесок с несколькими дачками богатых людей...

Давно уже поглядывавший на меня фабрикант, наконец не выдержал и обратился с вопросом:

— Вы, сударь, тоже в Нахабино?

— Да,.. у меня частное дело.

— Какое же это частное дело? — насмешливо спросил он.

— Борис, Борис! — заметила с укором по адресу сына мать. — Что тебе за дело?.. Едет человек в Нахабино, стало быть — надо. Зачем ты едешь — затем и они едут...

— Нет, нет, у меня совершенно постороннее дело, — начал уверять я старуху, не желая, чтобы меня принимали за пьяницу.

Фабрикант захохотал прямо у меня под носом.

— Будет вам... знаем мы эти посторонние дела-то! Сам, когда в первый раз ехал, тоже говорил, что постороннее дело... Уж лучше говорите прямо... меня не проведёте... У меня своих 50 человек рабочих. Взгляну — и вижу насквозь... никогда, брат, не ошибусь... Что тут и стесняться-то, — все мы люди одного поля...

Я переживал неприятную минуту. Они меня сделали пьяницею, — этого ещё не доставало!

Между тем фабрикант продолжал в том-же тоне старшего товарища по несчастью:

— И хорошо сделали, что решили поехать. Все мы — люди слабые и безвольные-с. Так душою-то и остановился бы и бросил водку, да нет сил. Ну, а дашь клятву пред св. крестом и Евангелием, перед образом св. Сергия, радонежского чудотворца, — дело другое. Тут уж шутки плохи... Вы знаете-с случай, факт, — каждый мальчишка в Нахабине об этом вам расскажет-с? Один дал клятву, вот так, как и мы с вами, а потом сейчас, после церкви, не вытерпевши, и пошёл в кабачок... Только это он за рюмку... руки это, знаете, у него дрожат... Смотрит он на икону пр. Сергия, да и говорить: «Прости, св. угодник, не могу снести обета», а сам рюмку-то тянет. Только он её ко рту, как вдруг затрясётся, захрапит, да и грохнулся на пол... Ну, то-сё... подбежали... воды... суматоха... А он лежит, а руки и ноги в последних предсмертных конвульсиях... Так вот иногда и выпил бы, да вспомнишь этот случай и воздержишься... Шесть месяцев я капли не брал... Теперь хочу дать зарок на год. Авось, Бог милостив. Ведь баловство эта самая водка...

— Истинное слово, баловство, — перебил его серебрянник. — И кто её выдумал — чтобы тому не было ни дна ни покрышки! Народ травят... Запретить бы выделку её навсегда, под страхом смертной казни...

Живописец, как мне казалось, легкомысленно относившийся к поездке в Нахабино и смотревший на всё это, как на простую процедуру и развлечение, совершаемое к тому же на хозяйский счёт, после этого рассказа приуныл. Лицо его вытянулось и имело весьма комичный вид.

— Так-таки и умер? — допытывался он дрожащим от страха голосом.

— А то как же?.. Разве с клятвою можно шутить?..

Живописец замолчал, задумался, и вскоре можно было слышать сказанную им вполголоса, про себя, фразу:

— Да, с водочкою придётся покончить...

Начались рассказы. Старуха передала о своём девере,

который раньше сильно пил, но теперь, после поездки в Нахабино, не берёт в рот ничего хмельного.

— Тверёзый — мужик добрый, хороший, а выпьет — зверь зверем делается... Всё перебьёт, переколотит; жену и детей выгонит из дома... Раз жену выгнал на мороз; простудилась, воспаление схватила она и, едва не умерла, — рассказывала старуха. — Уговорили, съездил к о. Сергию, — теперь его и не узнаешь... Молодчик молодчиком...

Рассказал нечто подобное и живописец. Шурин его пил запоем. Сколько из-за водки хороших мест потерял! Наконец, дело дошло до того, что пошёл собирать милостыню. А между тем у него большая семья.

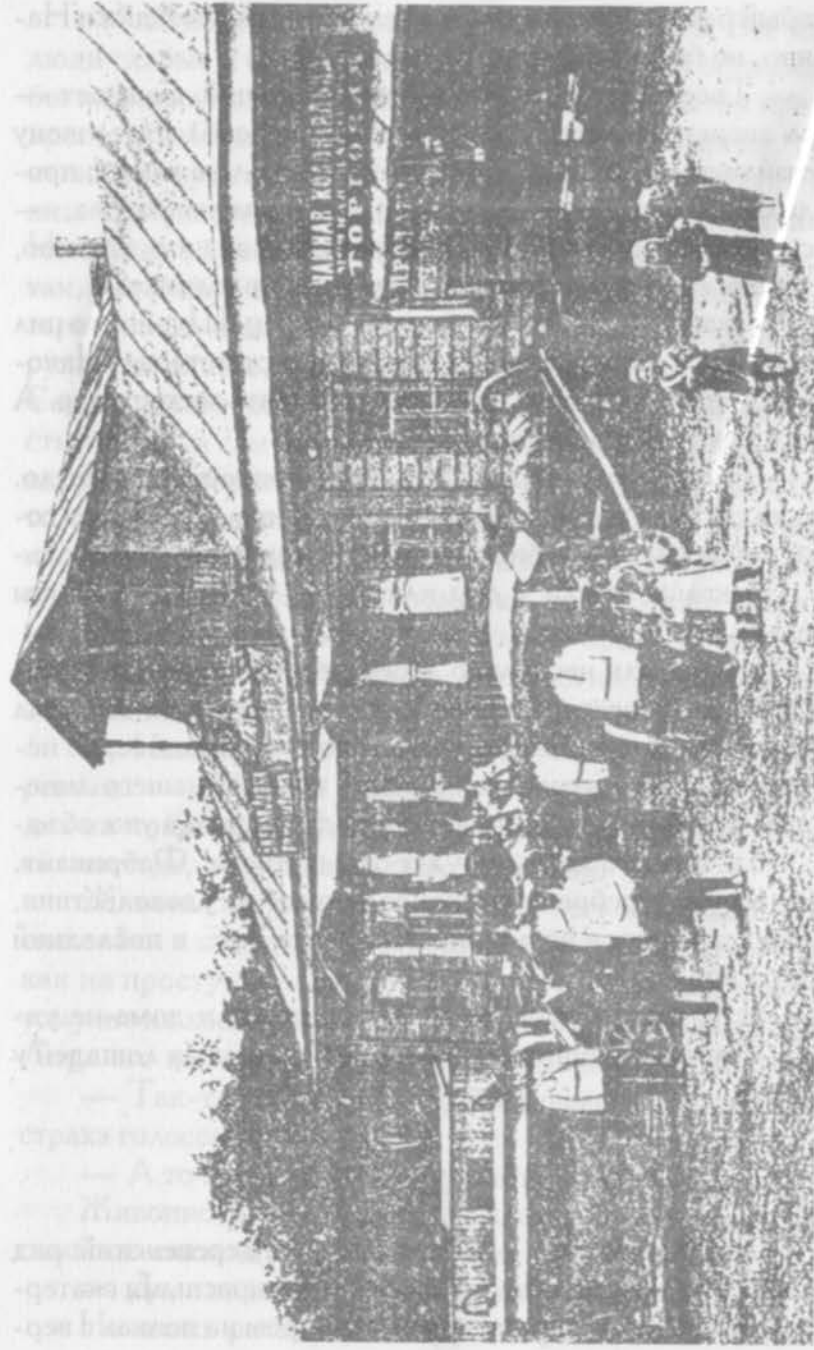
— Нужды-горя терпел-терпел — конца краю не было. Только сватья и уговорила ехать в Нахабино... Собрался со всем, привезли в Нахабино, — нейдёт в церковь, да и только... Силком втащили... Дал клятву, — с тех пор хоть бы капельку...

Мы проехали несколько деревень и подъезжали уже к исторически-известному селу Тушину, где когда-то стоял со своим сбродом тушинский вор. Это — громадное, но неуклюжее, неприглядное село. Здесь трактир нашего линейчика. Тут первый пункт нашего этапа. Возница уже объявил, что в Тушино лошади будут отдыхать час. Фабрикант, живописец и серебрянник потирали руки от удовольствия, что представляется возможность выпить ещё, в последний раз и по последней.

— Ну, тпру... черт! куда прёшь-то? али дома не узнал? — ругал коренника возница, останавливая лошадей у трактира.

III

Трактир Воронова — обыкновенный деревенский: ряд тесно расставленных столиков, покрытых красными скатертями; буфет с открытым шкапом, в котором на полках с вер-

«На перегульи». В Тушино, у трактора П. А. Воронова.

ху до низу стоят чашки и чайники всевозможных размеров; стены помещения украшены дешевенькими олеографиями, — вот и всё. Три солдатика пиликали в углу на скрипках. Кое-где подгулявшая публика ведёт оживлённый разговор, употребляя крепкие выражения и усиленно жестикую. К трактиру прямыкает садик. Это и есть клуб нахабинцев.

Трактир Воронова, как это ни странно, сыграл большую роль в истории развития деятельности нахабинского общества трезвости и его популярности. Находясь на полпути и служа переправочным пунктом, — он является сосредоточием всех тех слухов и рассказов об обществе и учредителе его, священнике о. Пермском, которые теперь циркулируют по святой Руси, поднимая значение общества в глазах публики. Сюда поступают сведения во всей своей неприкосновенности и девственной чистоте и правдивости; отсюда слухи выходят часто разукрашенными стоустою молвой и получают характер легендарных сказаний. Многие из паломников, наслушавшись ужасов о том, как карает св. угодник Сергей, радонежский чудотворец, клятвопреступников, нарушивших обет не пить хмельных напитков, и не чувствуя силы исполнить зарок, уходят обратно в Москву. С другой стороны, люди более решительные набирают здесь смелости, храбрости для того, чтобы принести клятву. Все эти рассказы ажитируют паломников, и значение акта, на который они идут, в их глазах вырастает в крупное религиозное событие, о котором, прежде чем его совершить, надо серьёзно подумать. Под влиянием слышанного нервы напрягаются, и вызывается общий подъём духа. Некоторые из наших московских невропатологов, заинтересованные слухами об успехах, достигаемых о. Пермским в деле борьбы с пьянством, и лично посетившие Нахабино, вывели заключение, что в конце концов главную роль во всём этом играет внушение. Если это так, то здесь, в этом скромном трактире, готовится и самая почва для восприятия внушения...

Помимо всего прочего, из этого же трактира исходит правильная организация рейсов в Нахабино, а удобство сообщений, как известно, играет немаловажную роль вообще в оживлении сношений...

У одних паломников на столе водка, у других — пиво. За бутылочкою идут разговоры. Вот молодая полная женщина, с приятным, но испорченным одутловатостью и красными пятнами лицом, рассказывает своим собеседникам и собеседницам о том, как у одной женщины, нарушившей обет, лопнули в наказание глаза.

— Пришла, это, она к батюшке и кричит: «Хочу я дать зарок не пить водки в течение целого года...» Батюшка этак на неё посмотрел-поглядел, да и говорит: «Не сможешь ты, раба Божия, снести этого обета... не под силу он тебе». А она и кричит: «Пусть лопнут мои глаза, если я выпью хоть один глоток...» Инда батюшка побледнел, услышав такую страшную клятву... «Ну, — говорит, — раба Божия, сама ты на себя налагаешь тяжёлый крест... Неси его». И взял клятву... А она тут же, по выходе из церкви, не вытерпела и выпила: вперёд одну рюмку, потом другую — и пошло, пошло... День 7 али 8 всё пила и с себя спустила всё до последней ниточки...

Слушавшие особенно женщины, качали головою и вздыхали. А рассказчица продолжала:

— Ну, матушки мои, очухавшись, пошла, это, она домой... Едет телега... Всё хорошо да хорошо... Только телега с ней поравнялась... как вдруг, ни с того ни с сего, — и канавка-то небольшая, — телега раскатилась да прямо на неё... подшибло её; она глазом прямо на чеку... Глазное яблоко, словно яйцо всмятку, вытекло. Распух другой глаз, загноился и тоже опосля вытек... Так и сидит слепая...

Рассказчица перекрестилась и тяжело вздохнула. Крестились и другие.

Рядом мужик рассказывал о другом случае. Его земляк, съездив в Нахабино и дав клятву, затем не вытерпел и

нарушил её. После этого на него напала страшная тоска, и он не знал куда даваться, в конце концов он покончил жизнь самоубийством — удавился.

Вообще о случаях самоубийства среди нарушителей клятвы мне приходилось слышать не раз, и это обстоятельство дало повод врагам о. Сергия Пермского особенно порочить его деятельность. Они говорили: «вот, мол до чего доводит принесение клятвы», совершенно упуская из виду, что процент самоубийств среди алкоголиков вообще велик и что начинания, подобные делу о. Сергия Пермского, надо мерить не указанием на отдельные случаи отрицательных явлений, а сравнением общей суммы того, что дает дело в положительном смысле и отрицательном. Если из 30 000 паломников, записавшихся в нахабинское общество трезвости в прошлом году, $\frac{3}{4}$ перестали пить водку; если профессора Московского университета находят нужным отправлять в Нахабино тех из своих пациентов-алкоголиков, которым они сами ничем не могли помочь, то, несомненно, деятельность о. Пермского весьма почтенна и многополезна.

Желая проверить правдивость слышанного мною, я впоследствии, в беседе со священником о. Сергием спрашивал его по поводу этих рассказов. У о. С. Пермского есть хорошая привычка записывать в книгу не только фамилии и имена членов общества трезвости, но и их звание, родину, род занятий, место службы. Таким образом, от односельчан и знакомых членов о. Пермскому постоянно приходится иметь сведения относительно образа жизни и поведения своих духовных чад. И по этим сведениям, действительно, женщина ослепла и были случаи самоубийств.

Рассказы в трактире, конечно, имеют огромное влияние на душевное состояние слушателей. Они делаются более сосредоточенными и серьезными. Налитая рюмка водки уже не проходит в «грешную утробу» таким легким соколом, как раньше, а встает колом. Многие переходят с водки на пиво, другие — тут же поканчивают с водкою и требуют

чай. «Н-да, это — не шутка!» — всё чаще и чаще раздаётся среди нахабинцев. Вздохи и побряхтывания ежеминутны. Кто-то уже сокрушается о грехах: «Ох, грехи, грехи!..»

Просидев около часу в кругу нахабинцев и потеряв надежду, что наше «ландо» скоро тронется в путь, я пошёл бродить по селу. Оно тянется более чем на две версты. Масса хороших двухэтажных домов, масса трактиров, кабаков, лавок — и совершенно нет растительности. Это какой-то маленький пыльный городок. Расположенные здесь на летних квартирах войска значительно оживляют местную жизнь. Хотя сумерки уже спустились, тем не менее на окраине села солдатики пели песни; в другом конце парни и девицы водили хороводы. У кабаков стояли обозы, и здоровые возчики прямо чайными стаканами пили водку, закусывая кусками черного хлеба с солью, тут же стоял краснощёкий красивый подрядчик, уговаривавший кучку рабочих помочь ему в работах, обещаясь выставить ведро водки. Маленькая, босая, с белыми как лён волосами, девочка, звала домой свою сестру, заслушавшуюся песней солдат.

— Малуська, а Малуська, ей-Богу, иди... Тятка с розгами идёт! — кричала она.

Кое-где поили лошадей, кое-где покажется сбежавший со двора баран, захрюкает поросёнок, заржёт лошадь, вдалеке квакают лягушки...

Я пошёл к тому месту, где стояли в кружке солдаты. Они пели, плясали, играли на скрипках и флейтах. Особенно отличался какой-то солдатик Афросимов. Он выделялся в кругу всевозможные колена: то пожимал, как женщина, плечами; выпячивал колесом грудь, выделял что-то подобное пляске живота; то начинал щёлкать пальцами и строить уморительные гримасы, нагибая корпус вправо и влево и отбивая трели ногами. В это время другие припевали:

«Ходи, ходи веселей,
Веселей, удалей...»

Припевы эти ещё более раззадорили Афросимова: он вдруг взвизгнул, сильнее заработал ногами и, наклонив корпус козликом, тонким фальцетом запел:

«Ой жги, жги, говори, говори...
Хочешь — любишь,
Хочешь — нет, —
Ни копейки денег нет...»

А скрипка выделявала: говори-и, говори-и, говори-и, говори-и.

В этом веселье было столько удалства, жизнерадостности, широкой русской природы, что оно совершенно подкупало своею искренностью и смотрелось с удовольствием.

Наконец «ландо» наше тронулось в путь. Проехали мы шлагбаум, мост через реку, омывающую Тушино, провожаемые насмешками деревенских мальчишек, кричавших нам вслед: «Ну, вы, нахабицы, куда? — отчитываться!»

Крики, шум, оживление села постепенно стали слабее и слабее доходить до нашего слуха. Опять тишина, опять аромат лугов. Попадались скрипучие обозы с сеном... Попадались нахабинцы, как тени бредущие вперёд. Мои компаньоны были серьёзны и сосредоточены. Фабрикант сознавался, что до Тушина ехать ему было легче, а теперь уже делается страшно.

— Слышали, какие вещи-то делаются?.. Спаси Бог, дашь зарок, да не вынесешь! Горюха!..

Один лишь живописей старался держать себя весело; он даже запел песню, но песня эта ни в ком не встретила сочувствия. Серебренник, отвернувшись, в знак высшего негодования, отплёвывался в сторону: тьфу, тьфу, тьфу; старуха укоризненно качала головой. Наконец, не выдержал и фабрикант, грубо заметив:

— Перестань паясничать, — не на такое мы дело едем... Живописец смолк, и скоро раздался его храп. Задремали и другие. Возница понукал лошадей. Проезжали мирно

спавшие деревни; редко где в избах ещё светился огонёк. Неугомонно раздавалась лишь сторожевая трещотка.

— Теперь будет дер. Новая, а там и Нахабино, — сказал возница.

Слава Богу наконец, скоро. В моём уме неясно складывался уже образ того самого священника, который имеет чудодейственную силу над закоснелыми и хроническими алкоголиками. «Русый он, — думал я, — или чёрный? с большою растительностью или нет? Высокий или низкий он?..» Но одно мне казалось несомненным, — что у него какие-нибудь особые глаза, полные силы воли, энергии... Старался представить я себе мысленно и церковь, в которой проявляется чудодейственная сила, но ничего не выходило. Всё расплывалось, а глаза слипались от дремоты.

Наконец мы въехали в самое Нахабино. Небо заволкло облаками, и село окутала непроглядная темь. Огонь светился лишь в чайной лавке. Наша компания, однако, отправилась ночевать в конец деревни, к старухе, которую почему-то называли «тёщей» и у которой фабрикант останавливался раньше. Нумеров в Нахабине нет, — это ещё дело будущего. В избе «тёщи» спало десятка два женщин в повалку, — стояла духота. Я просил приготовить себе постель в сарае на сене и, усталый, скоро скоро ушёл спать. Но мои компаньоны долго ещё шептались со старухой, прося раздобыть на прощанье полбутылочку.

— Хоть рубль отдадим, — слышался голос фабриканта.

Сарай, где я спал, находился в отдалении. В голове проносились газетные известия об убийстве под Нахабиним мужчины и женщины. Стал закрадываться страх, но я так устал, что не мог переселить дремоты, и уснул, с тем, чтобы завтра идти в церковь — присутствовать при целовании креста, молебствии и затем побеседовать со священником.

IV

Около меня кто-то возился, и я проснулся: то одевались мои компаньоны, собиравшиеся в церковь. Как оказалось впоследствии, они пришли в сарай спать много позже меня, предварительно выпив ещё полбутылки водки. В Нахабине в последнее время развелось много шинков, торгующих вином во всякое время дня и ночи, и водка была куплена в одном из таких шинков. Компаньоны мои оделись и стали звать меня.

— Смотрите, запоздаете, тогда о. Сергей не примет, — говорил мне фабрикант, которому, как являющемуся в Нахабино во второй раз, принадлежала вообще инициатива. Я обещал прийти в церковь вслед за ними. Компаньоны мои вначале отправились купаться в протекающей в конце села речонке с глинистым дном, в которой к тому же шедший ночью дождь взмутил воду, так что она имела ржавый цвет. Большинство нахабинцев в летнее время вообще стараются, прежде чем идти в церковь, искупаться в этой новом Иордане — «очиститься», как они говорят. Однако, я встал с мягкого душистого ложа ещё не скоро. Мне хотелось понежиться, разобраться со своими впечатлениями и тем роем мыслей, которые навеяла на меня поездка в Нахабино...

Сквозь худую соломенную крышу проникали снопы солнечных лучей, падавшие и золотившие сено, которым была завалена половина сарая. В этих снопах света плавало бесчисленное множество жужжавшей на все лады мошкары. В отверстия крыши то и дело влетали стрижи и, шумя крыльями, направлялись в гнёзда, откуда нёсся оживлённый писк детёнышей. Среди тишины раздавалось эхо перебранки двух мужиков, чего-то не поделивших между собою. Взлетела курица и над самою моею головой начала кудахтать. Следом за нею вспорхнул крупный петух, и началось невообразимое кудахтанье, как будто на спор, кто скорее и шибче.

Вид храма Покрова Пресвятой Богородицы со стороны Воскресенского (Волоколамского) шоссе

Но вот раздался заунывный благовест. Я встал и вышел. Передо мною открылась чудная панорама. Впереди простирался громадный луг с влажною высокою травой, пестрившей множеством цветов; далее вилась узкою лентой небольшая ручонка с довольно крутыми берегами; за нею сплошною стеной стояла красавица-рожь, а в конце панорамы поднимался облитый солнечным светом лес, причудливые верхушки которого красиво вырисовывались на светлом фоне. Слева тянулась на большом протяжении деревня. Дома преимущественно хорошие: многие с железными крышами. Вправо виднелась насыпь Виндавской жел. дор. и большое каменное строение — водокачка у реки. Рабочие, как пауки, копошились около высокого моста. В середине села на горе, высился храм — конечная цель нашей поездки. Оттуда и нёсся звон. Церковь эта невысокая, но довольно

широкая, с одним объёмистым куполом, на синем поле которого масса золотых звёздочек. Окрашен храм в довольно редкий для церкви шоколадный цвет. Я с большим вниманием и интересом смотрел на это незатейливое церковное здание, которому суждено в деревенской глуши играть такую видную роль в деле борьбы с пьянством.

Наскоро умывшись, но не отважившись, однако, купаться в ржавой мути, я пошёл в церковь. Пройдя небольшие сводчатые сени храма, я оказался в храме, стены которого лили прохладу. Боже, что здесь за публика! Впечатление такое, будто специально посылались люди по грязным московским кабачкам и захудалым деревенским шинкам, чтобы выбрать сюда из ютящегося в них сброда самое что ни на есть скверное и последнее. Этот сброд состоял из подонков кабачков. Мои компаньоны в сравнении с тем, что там было, казались аристократами. Правда, среди массы попадались и люди, одетые прилично, но, служа контрастом, они только подчеркивали и рельефнее выделяли общий тон картины. По дороге, в отдельных группах, нахабинцы не казались настолько ужасными, как здесь, в этой сравнительно большой, человек в 150, компактной массе. Вот деревенская баба с подбитыми глазами, в рязанской поневе и лаптях; вот плохенький мужичонко в посконной рубашке и шароварах, в лаптях и деревенской шляпе, напоминающей наш цилиндр. У него костюм, в котором обыкновенно художники изображают крестьян на поле во время посева. Вот одетый в пиджак и брюки на выпуск какой то приказчик; руки и голова у него дрожат от пьянства; лицо его бледно, оловянные глаза пугливо озираются по сторонам, а сам он конфузливо жмётся к колонне, украшенной незатейливыми орнаментами. А вот наши москвичи — портные, сапожники — без фуражек, босиком, с включенными волосами; у многих рубашка грязная и разорвана. У кого синяки под глазом, у кого шрам на лице. Рядом с ними переминается франтовато одетая «одна из этих» с намалёванным лицом, на которое непомерное пьян-

ство наложило свою печать. Слышно, что у церкви какая-то женщина умоляет своего, должно-быть, безпутного мужа идти к о. Сергию. «Нет, нет, Маша, сегодня не могу, завтра, ей-Богу, завтра! Страшно, страшно! Маша, страшно!..» — «Терпение с тобою, оглашенным, потеряла, — досадливо говорит женщина: — вчера говорил — завтра, сегодня — опять завтра. Да что же это такое!.. Иди теперь, говорят, всех нахабинских кабаков не пересчитаешь!» Слышится возня. Кто-то кого-то ударил. Мужской голос ворчит, грозит. Женщина плачет, причитая: «Измучил ты меня, проклятый... Загубил мою жизнь, в чахотку вогнал... Креста-то на тебе нет!..»

Между тем в церкви, в которой прежде всего бросается в глаза золочёный иконостас и в левой части его икона преп. Сергия, Радонежского чудотворца, идет благолепная служба. У иконы масса лампад; многие с драгоценными камнями. Всё это вклад благодарных людей, избавившихся от пьянства. Из алтаря несутся сильные теноровые певучие возгласы священника. Наконец, показался на амвоне и сам о. Пермский. О, у него внешность не совсем заурядная. Прежде всего — крепкая, словно из стали вылитая, небольшая фигура с густою растительностью каштанового цвета на голове и лице. Целая шапка волос сзади; большая борода и густые нависшие брови на строгом и энергичном лице. Серые глаза глядят пронизательно и, пожалуй, сурово; движения быстрые и порывистые.

Паломники и паломницы усердно молятся, хотя видно, что некоторые, только за час до того переставшие пить, терпят страшную муку: у них болит голова, а «в нутре мутит».

Утренняя кончилась. На амвон вышел в одном подряснике о. Сергий, и раздался его повелительный голос: «Кто хочет вступить в число членов нашего общества трезвости пусть подойдёт к иконе преп. Сергия». Все сгруппировались в левой части церкви и окружили тесным кольцом о. Сергия. Священник обернулся, зорко осмотрел толпу и, заметив

двух-трёх лиц, у которых ещё далеко не вышел угар винных паров, коротко приказал: «Уйдите вон из церкви... до завтра. Пьяные на такое дело не должны являться!» Те покорно вышли. О. Пермский осмотрел ещё раз, велел уйти ещё нескольким другим и затем обратился с речью. Она была коротка, проста и ясна. Говорил он её тем же певучим и сильным тенором, как и служил.

— Нет надобности разъяснять, как пагубна страсть к вину, — отчеканивал он. — Её разрушительные следы видны, к сожалению, повсюду. Сколько несчастных, которые расстроили вином своё здоровье и довели себя до преждевременной смерти! Сколько семейств, в которых вино поселило и поддерживает раздор между супругами, между родителями и детьми! Сколько из-за вина нищеты, голода, холода; сколько страшных преступлений, причиной которых было опьянение преступников. Издревле замечено, что вино погубило многих и что оно доводит и «мудрых до падения». Ещё мудрый Соломон сказал: «Не смотри на вино, — оно ужалит, как аспид!»

Так же просто, сжато и ясно он указал на значение обета воздержания, чтимого издревле, и привёл несколько случаев, когда Бог покарал клятвонарушителей.

— Обдумайте серьёзно, какой вы предпринимаете шаг, взвесьте свои силы, — говорил он. — Кто не может исполнить клятвы, не чувствует для этого силы, — вернись обратно, пока можно.

Снова он осмотрел толпу и на этот раз вопросительно: та молчала. Послышались голоса: «С Божьею помощью»... «Помолись, отец, чтобы преп. Сергий дал нам силы и терпения исполнить обет!»

— Хорошие речи, — сказал о. Сергий. — Толк будет...

Затем, подняв руки, о. Пермский преклонил голову пред иконой св. угодника Божия и после краткой молитвенной паузы торжественно произнёс: «Бог поможет и укрепит

вас!» — и с этими словами осенил всех крестным знаменем. У многих стояли в глазах слёзы и текли по лицу. Многие опустились на колени.

Среди мёртвой тишины раздался голос о. Сергия: «Повторяйте за мною: обещаюсь пред Господом Богом и иконою преп. Сергия в том, что в продолжение избранного мною срока не буду пить вина и других спиртных напитков, и на том целую икону преп. Сергия».

О. Пермский говорил с чувством, раздельно, с паузами, за ним вторили нахабинцы, находившиеся вообще в приподнятом настроении.

Затем следовало целование иконы, причём священник, благословляя и окидывая любовным взглядом своих новых духовных чад, ласково поздравлял их с добрым делом, давая им тут же и некоторые полезные наставления и утешая их надеждою на помощь преп. Сергия. По принесении обещания нахабинцы с просветлённым взором, успокоенные, умиротворенные, с новым чувством решимости, слушали молебствие, пред иконою св. угодника Сергия, у которого горячо испрашивали себе помощи и подкрепления. При возгласе священника: «Пре-по-доб-не от-ч е наш Се-р-гие, моли Б о о га о н-а-ас», проникавшем до самых сокровеннейших изгибов души, все молящиеся, как один человек, опускались на колени.

Молебствие кончилось. Нахабинцы радостно поздравляют друг друга и идут гурьбою к домику священника, где о. Пермский запишет имена их в книгу и выдаст им уставы общества трезвости, членский билет и несколько брошюр о вреде пьянства. Домик о. Пермского небольшой, скромный, но весьма чистенький; вокруг зелень.

Я пользуюсь перерывом, чтобы передать батюшке свою визитную карточку.

Выходит из алтаря причетник и говорит:

— Батюшка вас охотно примет минут через 20—30.

Я остаюсь около церкви и наблюдаю толпу...

Группа новых трезвенников в садике при доме о. Сергия Пермского
(На крыльце виднеется сам о. Пермский)

Со стороны приятно смотреть на это хорошее, радостное возбуждение, которое так и сквозит во всех движениях и речах нахабинцев.

Старуха-мать целует своего сына-фабриканта...

— Бог сподобил, вот и хорошо. Пора, голубчик, остепениться и взяться за разум. Пора!.. Всё по-хорошему — и славу Богу...

V

В то время, как вверху, на горе, одни нахабинцы давали обет не употреблять ничего хмельного, другие внизу, под горою, близ многочисленных кабаков — и явных и тайных — пропивали последние деньжонки, с которыми они явились в село на доброе дело. Когда деньги истожились, — шинкарям продавалось за полцены платье, производилась сменка белья. Это был кутёж последний, на который соблазняла нахабинцев главным образом та легкость, с которою вообще

можно получать здесь водку. Обилие шинков для Нахабина — большое зло, с которым местным властям необходимо бороться. Были случаи, что нахабинцы буквально опивались в сели, а зимою их находили в снегу замерзшими около Нахабина. О. Пермский уже начал эту борьбу, но одному ему она не под силу.

Вот какая-то женщина в городском платье, только что пешком явившаяся в Нахабино, теперь со стаканом водки в руке приплясывает у кабака, распевая картавым голосом:

«Я под гойку шла,
Тяжео несла
Умоиась, умоиась, умоиася».

Около неё группа оборванцев, которые одобрительно относятся к игривому настроению нахабинки...

Наконец, из церкви вышел твёрдою походкой священник о. Пермский. Ему не более 30—35 лет. Он на ходу даёт ответы обращающимся к нему; заметив меня, он пригласил за собою. У калитки палисадника раздались голоса:

— Батюшка, отпустите, надо в Москву, спешим.

— Сейчас, сейчас...

Начался приём.

В миниатюрные помещения домика о. Пермского впускались нахабинцы поодиночке. О. Сергей записывал имя, звание, род службы, место жительства, выдавал членский билет, брошюру. Тем, кто является в первый раз, он давал советы; тех, кто во второй раз, — журил.

— Что же толку из того, что шесть месяцев не пили? — говорил он. — А потом, срок окончился, — опять за старое. Что успел нажить, стало-быть опять надо спустить? Человеческий образ, Божие подобие, снова надо обратить в скотский?.. Наскучило быть человеком?.. Ах, народ, народ!.. Да разве я к этому стремлюсь?..

Нахабинцы стыдливо опускали глаза, мяли в руках фуражки и обещались исправиться. Какие-то не то штукатуры, не то маляры давали обет только на 4 месяца.

— Что так мало? — спрашивал о. Сергей.

— Да больше, батюшка, не надо... Мы боимся запьянствовать во время нашей работы, а там мы прямо в деревню, — в ней сильно не разгуляешься.

О. Пермский вздыхал и покачивал головой.

Некоторые просили у о. Сергия денег — на хлеб, на дорогу, и он давал — кому 20 к., кому — 40, кому — 50 к.

Наконец мы остались вдвоём.

— Что вы хотите от меня узнать? — обратился он ко мне.

Я передал.

— Что же я могу сказать? То, что я делаю, у всех на виду. С Божьею помощью дело растёт... Началось с малого: в 1896 г. членов нашего общества значилось лишь 1273, в 1897 г. их было уже 10 000, в 1898 — 30 000, а в 1899 г., за 9 последних месяцев, перебивало 21 000, больше $\frac{3}{4}$ перестает пить окончательно; остальные нарушают обет...

— Чем вы объясните, что они перестают пить?

О. Пермский улыбнулся.

— Я, как служитель церкви и глубоко верующий человек, объясняю это исключительно силою Божию и помощью Его угодника, преп. Сергия, Радонежского чудотворца... Может быть другие смотрят на это иначе. Например, у меня недавно был д-р Токарский, — он вывел заключение, что тут действует гипноз... Дело взгляда... Мне известны случаи несчастий с лицами, давшими обет пред иконою и не исполнившими его... Случаи эти поразительны... Я смотрю на эти случаи, как на кару свыше... Так смотрит на это и весь являющийся ко мне люд. Есть люди, которые объясняют их простыми несчастиями, обыкновенными и естественными среди пьяниц... Пусть их объясняют так... Я остаюсь при своём глубоком убеждении... Были, — гово-

рил далее о. Пермский, — случаи, что не только переставали пить отчаянные алкоголики, но после они даже не могли смотреть на водку. Например, трактирщик с Лесной улицы из отвращения к вину теперь ликвидирует самое дело. Ему противно смотреть на эти бутылки с ядом, отравляющим человеческий организм, который, однако, в силу характера торгового заведения, приходится ему распространять... Да вот, — после некоторой паузы продолжал о. Пермский, как будто что-то вспомнив: — какая-то добрая душа прислала мне вырезку из саратовской газеты. Вот, прочтите.

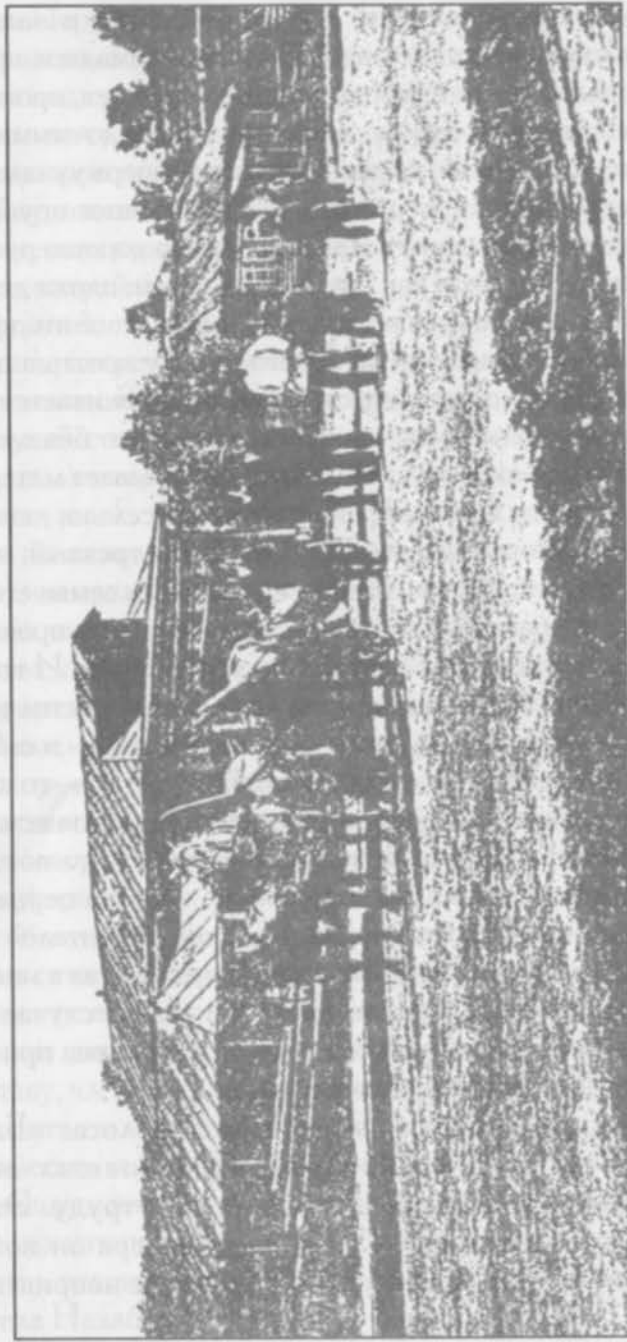
Я стал читать. В газете описывался выдающийся и поразительный случай с неким С. В. М—овым, некогда богатым и способнейшим коммерсантом, ведшим в широких размерах хлебную торговлю в г. Е., Саратовской губернии. Будучи купцом нового типа и женившись на красавице из благородных (дочери чиновника), он после свадьбы, как выражалась газета, так неудачно повёл линию жизни, что скоро потерял доверие, спустил свои средства, стал пить, выехал в Воронеж, а затем в Москву; жена его бросила, и в конце концов он сделался настоящим пропойцею. В последнее время, года 3—4, у него уже не было и временных просветов. С. В. М выходил из больницы, чтобы снова попасть в неё. Дошло до того, что все от него отвернулись, и М—м существовал собиранием в отхожих местах, помойных и мусорных ямах стеклянной посуды, ломаного железа, тряпья, пробок и др. хлама. 29-го ноября 1897 г. он сходил в Нахабино и с тех пор не выпил ни одной рюмки...

Я не мог не выразить удивления. О. Сергей показал мне краткий устав нахабинского общества трезвости. Между прочим, по уставу, члену общества не воспрещается посещать трактиры. Но пить он может там только чай или мёд и всячески должен избегать пьянствующих компаний. Вменяется в обязанность члену возможно чаще посещать церковь, каждый год исполнять христианский долг относительно исповеди и стараться в день годовщины общества, 25-го сентября, посетить церковь села Нахабино.

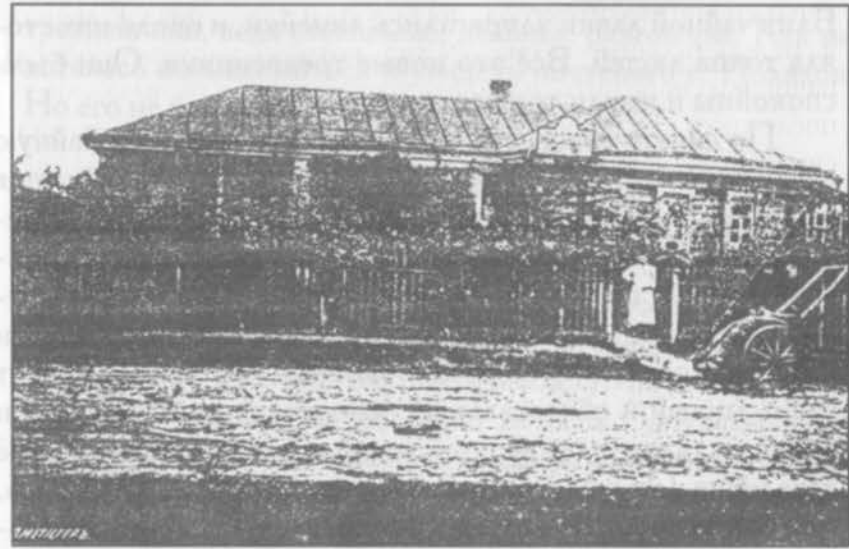
— Вы не поверите, — говорил мне в заключение о. Пермский, — какое мне доставляет громадное нравственное удовлетворение видеть бывших оборванцев, пропойцев исправившимися, облагодетельствованными, порядочными людьми, которые сами потом говорят, что только теперь узнали жизнь... По моему мнению, пьянство — единственное крупное зло и несчастье для русского человека. Я знаю хорошо русский народ и скажу вам, что как бы у кого ни были плохи дела, какие бы ни были неожиданности, несчастья, — всё это временное и переживается и особо глубокого следа у крестьянина не оставляет. Дела поправляются, прожитое наживается, и семья если не благоденствует, то никогда и не сидит без хлеба. Другое дело — пьянство. Оно в корень подрывает материальное благосостояние человека, оно разрушает семью, деморализует нравы... Почти не было случая, чтобы трезвый, здоровый мужик, работающий — сильно бедствовал и семья его голодала. Если же бывает обратное, то всё это делает проклятое зелье. Оно — источник всякого зла и несчастья. И вот против чего должны быть направлены усилия и общества и отдельных лиц!.. Сделайте русский народ трезвым — и он не будет бедствовать... Конечно, есть стихийные силы — голод и т. п., но если народ трезвый он перенесёт легче и это несчастье...

Церковь в России постоянно и всегда стояла во главе всех полезных начинаний, — говорил он. — Она первая начала насаждать просвещение через своих представителей — духовенство; она первая вставала в защиту отечества в минуту грозившей опасности. Церковь должна и в этом случае открыть поход против бича русского народа, пьянства, при помощи духовных средств, креста и молитвы.

У палисадника снова раздались голоса: «Батюшка, отпустите, надо в Москву!» Я поспешил оставить о. Пермского, удивляясь его энергии и труду. Это положительно подвижник. С утра и до вечера он возится со сбродом пьяниц, на которых иногда даже неприятно смотреть.

В Нахабине. Линейка с тройкой лошадей, приготовленная для новых трезвенников.

Чайная лавка Нахабинского общества трезвости на Баньках.

У «тёщи» в садике меня ждал чай, яйца и молоко. На холодненькое молоко с большим аппетитом накинудись нахабинцы.

Когда мы пили чай, я завёл разговор с сыном «тёщи», мебельщиком, стараясь узнать, как большинство нахабинских крестьян относятся к деятельности священника.

— Хороший батюшка, — сказал он мне, — много он народа ослобоняет от пьянства... Много теперь и наших не пьют. Только вот он ничего с мужиками не поделает. Где нужно заработать грош, — наш мужик его уж не упустить. Чем бы за одно со священником действовать, — а мужики тут поразвели шинки и спаивают пришлых. Те, знамо, слабые; нутро ещё горит, ну и пьют и пьют... портят дело батюшки.

После беседы с о. Пермским задача моя была исчерпана. Компаньоны собрались: «ландо» было подано. Все уселись; возница тронул лошадей, и мы поехали в обратный путь. О водке ни слова. По дороге истреблялся в большом количестве квас. Разговоры дельные, степенные.

Близ чайной лавки запрягались линейки, и около них стояла толпа людей. Всё это новые трезвенники. Они были спокойны и имели торжественный вид.

По совету свящ. о. Пермского, мы заехали в чайную лавку, учреждённую обществом трезвости. Она помещается несколько в стороне от шоссе, и в этом её неудобство. Для чайной местным фабрикантом А. Л. Поляковым предоставлено прекрасное здание. Оно чисто, уютно, на стенах расклеены брошюры, в которых яркими красками описывается вред пьянства. Чайную содержит очень милый и обязательный человек, Л. Е. Жданов. Он больше служит идее и с этой точки зрения смотрит на своё заведение. Он в восторге от батюшки, от Я. А. Полякова, супруга которого — председательница нахабинского общества трезвости и которые вообще много содействуют обществу и материально и своим влиянием.

— У нас тут, — говорил мне г. Жданов, — бывают преимущественно рабочие фабрики Полякова. Их до 4000 человек, и все они члены общества трезвости. Теперь среди них пьянства и в поминине нет. Приятно смотреть: придут чинно, благородно, напьются чайку, кваску, почтуют и уйдут. Вот бы было хорошо, если бы пример рабочих фабрики Полякова нашёл широкое подражание... Ведь сколько фабриканты несут убытков только потому, что народ пьянствует!..

Вообще, по пути я много слышал о доброте Я. А. Полякова. Это положительно местный благодетель. Для нищих и бедных у него нет отказа. У кого падёт лошадь, корова, — даёт деньги на приобретение таковых; сгорит ли дом — выстроит новый. Недавно сразу четырём крестьянам выстроил каменные дома. Хорошо делается на душе, когда слышишь о таких людях... Да, свет не без добрых людей...

К чайной примыкает чистенький палисадник с клумбочками цветов. Там за столиками с чайком благодустествуют

трезвенники, ведя степенные, дельные разговоры. Как мне хотелось познакомиться и увидеть почтенного г. Полякова! Но его не было в имении!..

Тронулись дальше.

По пути ряд богатых деревень; многие с садами, с пчельниками; поля с густою зеленою овса, высокой ржи, гряды картофеля, пруды, речки. Кое-где высятся большие кирпичные фабричные здания; покажется лентообразная насыпь Виндавской дороги. Остановок нет. В Тушине снова кормят лошадей, но в трактир никто не идёт. Мы ушли пешком, и «ландо» нагнало нас уже вёрст за пять. Почувствовалась пыль, вонь; дышать сделалось труднее; попадаются велосипедисты, расфранчённые дачницы, — мы подъезжали к Москве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы
в селе Нахабино Звенигородского уезда
Московской губернии.

Из истории села Нахабино

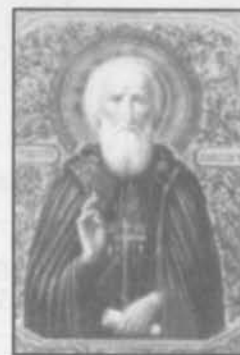
Село Нахабино в XV веке принадлежало Плещеевым. Многие представители этого боярского рода занимали видное положение при дворе Московских князей. Во время войны Василия Тёмного с Звенигородскими князьями, особенно отличился Михаил Плещеев. В 1447 году, когда Москва была захвачена врагами, он возглавил передовой отряд княжеского войска, лесными дорогами скрытно подошёл к Москве и утром 7 января неожиданно ворвался в город, обеспечив победу Василия Тёмного в многолетней междоусобной борьбе.

Михаил Плещеев имел большие владения в разных местах Подмосковья. Подмосковное село Ростокино он ещё при жизни подарил Троице-Сергиевому монастырю, другие владения после его смерти поделили сыновья. Тимофею Плещееву, по прозвищу Юрло, досталось село, которое впоследствии получило название Юрлово. Пётр Плещеев владел селом Дмитровское на Истре. Младший сын Иван Хромой получил Нахабинскую вотчину с сёлами Нахабино и Караулово на речке Нахабинке и её притоке Грязливой.

Иван Плещеев постригся в монахи и мирно закончил свой век в монастырской обители. Инок Иона Плещеев в 1482 г. составил завещание, по которому отдал Троице-Сергиевому монастырю село Караулово, а село Нахабино «с деревнями и пустошами и всем тем, что к этому селу потягло из старины» должно было перейти в собственность монастыря после смерти его матери. Родственники не хотели расстаться со старинным родовой вотчиной. Они выкупили село у монастыря и отдали Петру Плещееву. Однако, впоследствии, его сын в 1534 году продал село монахам за 400 рублей. Богатый Троице-Сергиевский монастырь, имевший в разных концах России 2700 сёл и деревень, вёл строгий учёт крепостных крестьян и их повинностей. Время от времени монахи составляли переписные книги, в которых подробно описывалось каждое владение монастыря. В Нахабинской вотчине в 1576 году числилось: «... село Нахабинское да пять деревень, да 38 пустошей, а в них двор монастырский, да двор коровий, да двор попов, да три кельи нищих, да 60 дворов крестьянских, да 10 дворов бобыльских, а людей в них 72 чел. (в то время учитывалось только мужское население), да в том же селе пруд с карасями...»

Из путеводителя по железным дорогам XIX века: «...В начале XVII века село Нахабино, разоренное Литвою, названо „пустошь“. Вскоре после Литвы, в населённом (крестьянами) селе Нахабине была построена в 1633—1634 гг. деревянная церковь в честь Покрова Пресв. Богородицы с приделом Сергия Чудотворца.

Теперь в селе 100 дворов и до 500 жителей; храм каменный, довольно красивой архитектуры, построенный в византийском стиле».

*Храм Покрова Пресвятой Богородицы
был построен на пожертвования жителей
села Нахабино!*

Этот, некогда величественный храм, освящал собою землю русскую. Божественная литургия, молитвы и предстательство Пресвятой Богородицы, собирали под его своды тысячи паломников со всей России. Его славная история повествует нам о множестве исцелений, совершавшихся над страждущими недугом пьянства.

Сегодня на этом месте пустошь. Но не оскудела земля русская людьми верующими. Уже построена деревянная церковь.

Мы верим, что храм Покрова Пресвятой Богородицы будет восстановлен, а звон его колоколов пробудит сердца людей, страждущих и обременённых, для жизни с Богом.

Поможем храму — поможем сами себе!

Пожертвования можно перечислять:

Православный приход Покровского храма
пос. Нахабино Красногорского р-на
Московской обл.

ИНН 5024010832

расчётный счёт № 40703810940210101210

в Красногорском отд. № 7808 МОБ СБ РФ

БИК 044652323

кор.сч. № 301018100900000000323

ИНН банка 5024001549

СОДЕРЖАНИЕ

Священник о. Сергей Пермский	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИЗ ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ НАХАБИНСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ	9
ПОЕЗДКА В НАХАБИНО	12
I	12
II	16
III	21
IV	29
V	35
ПРИЛОЖЕНИЕ	45

Орлов И.С.

В Нахабино!..

Художественный редактор *Л.И.Любовцева*
Компьютерная верстка *В.В.Любовцев*
Технический редактор *Н.И.Синицына*
Корректор *Е.В.Никитина*

Изд. лиц. ЛР № 066576 от 14 мая 1999 г.

Сдано в набор 10.08.2000. Подписано в печать
с готовых диапозитивов 27.10.2000. Формат 60:88¹/₄.

Печ. л. 3,0. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Тираж 15000 экз. (1-й завод — 3000 экз.). Заказ № 126.

Фирма «ААКИНОЙ», 143430, Моск. обл., Нахабино, а/я 8
Издательский Дом «Педагог» (Изд. лицензия ЛР № 071434 от 29.04.97 г.),
123242, Москва, ул. Б. Грузинская, д. 14 стр. 1